

Хотя прошло малое время... и подлинная история анекдотом звучит. Люди меняются. Может быть, уходит культура разговора. Но приходит культура дела.

В российской провинции сейчас постоянно встречаешь молодых бизнесменов, которые упорно что-то делают! И жизнь налаживается, если в конкретном месте есть хозяин. В Карелии я была на одном бумажном комбинате: там хозяин явно есть. И дело крутится, и дороги починили, и спортзал построили.

Говорила с потрясающим парнем, русским выпускником Оксфорда. Он вернулся в свой родной город. Создал там сеть аптек. В аптеках продает книги.

Этих людей не так много... но достаточно, чтобы произвести впечатление.

Именно такие ребята в разных городах твердят, не сговариваясь: найти толкового непьющего работника — самая суровая проблема. Один из них пробовал создать в северной деревне агроферму. Вся деревня давно и исправно пьет. Нашлись все же люди, которые работали так, как хотел хозяин: помногу и с толком. Но быстро спеклись. Один за другим приходили за расчетом. Все со словами: «Да на что мне так вкалывать? Деньги в гроб с собой не возьмешь».

Поразительно быстрое развитие на новый лад (двадцать лет назад таких людей не было!) — и глухой упадок без попыток сопротивления. Тоже очень быстрый. *Есть и та, и эта порода. Будущее — в их процентном соотношении.*

Но сегодня это соотношение... грустное очень.

— В марте 2005-го вы говорили мне, что пишете не новую книгу о том, «как повернулась Россия в 1990-х», а лишь вторую часть книги «Зачарованные смертью». У вас нет ощущения, что «Зачарованные смертью» и новый материал разойдутся на два текста? Что отпочкуется книга о 1990-х, куда войдут не только истории стоявших на грани смерти? Но и судьбы людей, выживших «на экзистенциальном холоде».

— У меня там есть мозаичные главы разговоров с разными людьми. «Шум времени» и «Разговоры на кухне». Отдельно 1985—1995-е и 1995—2005-е. А потом — ведь не все выжили на холоде 1990-х.

Нет, я хочу, чтобы это была единая книга! Уже собраны восемнадцать новых историй. Наверное, останутся в тексте десять. Но мне и тогда, и теперь был интересен не суицид как таковой. Я брала суицид как фокус горя и отчаяния.

Вот судьба, которая войдет обязательно. История в стиле Петрушевской. Но оказалось: и Петрушевская — Андерсен по сравнению с реальностью.

Жили-были в Москве мама и девочка. И бабушка с ними. Мама была нежная, читала стихи, бредила Серебряным веком: вспомните, сколько было таких людей в 1980-х.

Мама, конечно, горела новыми временами. И вот пришли эти времена. Мама растерялась. Вскоре они оказались в полной нищете.

В те же месяцы умерла бабушка. Ее не на что было хоронить.

Две недели она лежала в соседней комнате. Тело мазила марганцовкой.

Сейчас, если бандит захочет, он обернет тебя с ног до головы. И никто не поможет. Почти не заметит — как было с этой семьей. Люди замыкаются на себя, общности человеческие все мельче. Жизнь атомизировалась. Такого же не было!

Пятнадцать лет назад человек точно попал в щель между эпохами. Добро и зло перемешались. Люди не могут четко назвать: где они, кто они? Явно блуждают в смыслах, в объяснениях. Даже не всегда до конца могут объяснить, почему они

од: я долго ищу заголовок. «У войны не женское лицо» я долго искала. И не понимала сама лейтмотив книги об Афганистане, пока не нашла слов «Цинковые мальчики». И сейчас то же: ищу, пока названия нет. А в нем — фокус книги.

Может быть, нашла эпиграф. В Писании. «*Не все умрем, но все изменимся*».

Я вижу: мы не можем полностью измениться. И иногда ненавидим, стыдимся себя за это. И я не знаю: *должны ли мы меняться полностью?*

Но даже в 1960-х люди не были однородны. А в 1990-х человеческая масса совсем рассыпалась. Раньше — вы заметили? — люди читали примерно одни и те же книги. А спросите сейчас: десять людей — десять книг. Я думаю, нет

Человек промежуточный

«Я вижу: мы не можем полностью измениться. И иногда ненавидим, стыдимся себя за это. И я не знаю: *должны ли мы меняться полностью?*»

Но нашлась мафиозная группировка, которая купила их квартиру. Банда похоронила бабушку. Провернула этот обмен. Мать с девочкой оказались в Ярославской области, в развалюхе. В результате мама бросилась под поезд.

Девочка выжила. От ее лица и идет рассказ.

...Когда бедная девочка мама сама была школьницей и бредила Серебряным веком, в нашей жизни были какой-то покой и уверенность. Пусть большой бедой и кровью оплаченные — но уже оплаченные! Было твердое знание: если уж очень плохо, где-то можно искать управы. И есть люди вокруг.

сами прожили эти годы именно так, как прожили?

— Согласна. Живем в деятельной амнезии: сегодня думаем списком дел в органайзере, завтра вышибет и вчерашний список. Социально дальновзорные люди перевелись. Или их не слышно. Но какие «смыслы» этих лет вы вывели из «новых русских разговоров»?

— Пока не знаю. У меня на каждой книге есть такой пери-

одных ответов. Россия сейчас очень многолика. Мы все стали разные. И найти единый рецепт просто невозможно.

Когда-то Алесь Адамович меня учил: «Вы будете расти с каждой книгой». Почему у меня за тридцать лет написано только пять книг? Я считаю, что каждую из них должен писать новый человек. С новым кругом идей, с новым кругом представлений. Поче-

«Отдельный человек и его повседневность сейчас интереснее, чем власть»

«Раньше невестка из города приезжала деньгами швыряться по селу. А теперь приехала: последних курочек забрала детям»

му так долго пишется книга о любви? Человек поменялся, время поменялось, даже понимание чувств стало другим. Все это надо впустить в текст. Я рада, что не сделала этого раньше. Я не тороплюсь. Очень не тороплюсь.

И это жанр такой. Требующий... как сказать?... Очень четкого уха. А чуть что — фальшь. Искусственность. Понимаете, есть бездны жизни. А есть культурно вспаханное пространство. Так вот: не надо оглядывать бездну, демонстрируя, как ты владеешь инструментом вспашки. Важнее заглянуть туда. Достать новые знания.

У меня всегда одна тема: меня не интересуют герои... Мой читатель — маленький человек, который хочет что-то понять о другом маленьком человеке.

Но есть такая китайская поговорка: мудрый человек не рассказывает фантастических историй. Он находит фантастическое в самом простом.

Ведь в русской культуре все надо довести до состояния тайны. Самый простой житейский сюжет. И в любом житейском сюжете этих лет мы говорим о «России 1990-х», а доходим до природы человеческой.

— Меняются, плавятся и Запад, и Восток. Россия занята самопознанием? Но когда-нибудь процесс завершится. И, возможно, мы выйдем не в тот мир, в который смотрели сквозь щелки в «железном занавесе». Что вы думаете об этом?

— Все говорят о мировоззренческом кризисе. В Италии, Германии, Франции у думающих людей схожее ощущение. У Велемира Хлебникова есть строка — цитирую по памяти: «Сумерки количества переходят в качество». Вот и у нас идет какое-то накопление недоумения, которое должно изменить мир. Метафорой новых времен мне кажется то, что я видела в мае 1986-го в Чернобыле. Приезжаю: очень много военной техники, кольцами военные стоят. В первые дни они были с автоматами. Из Афганистана туда пригоняли вертолеты с боевыми пулеметами! В зараженной радиацией зоне стоял на посту человек с ружьем. Я всех спрашивала: «В кого вы собираетесь стрелять?». Первое время отвечали: «В американцев!». Потом

приздумались... И я начала понимать: это работает старая культура мышления. Случилась беда? Сработал рефлекс: нагнали много военной техники. Но нельзя же расстрелять высокие дозы радиации. На моих глазах рушилась культура войны. Раньше была жесткая граница перехода из одного мира в другой. Было ясно, где враг... Но в пространстве Чернобыля эта культура не работала. То же самое можно сказать о происходящем сегодня в мире. «Человек с ружьем» бомбит Ирак? Но бомбить идеи нельзя. Террористы — это убеждения. Группы, одиночки, юноши с комплексом Герострата. Куда стрелять?

А ведь всякий боевой приказ есть вывод из определенного мировоззрения. И это оно сейчас терпит фиаско.

Еще, слушая сегодняшние сводки, я вспоминаю, как сама летела в Афганистан. В военно-транспортном самолете. Танк стоял посередине. Мы по бокам сидели. А в углу были навалены портреты Ленина и Маркса. И везли их в совершенно иной мир, где само время идет на иных скоростях. Зачем? ...Нам всегда казалось: где-то есть все ответы на вопрос о счастье и процветании. Сейчас мир видит: адекватного ответа ни у кого нет.

Конечно, на Западе давно отлажен механизм жизни. Но сейчас я думаю: не надо туда так часто оглядываться. Практического смысла нет. Ведь у нас самих — промежуточное время, промежуточный человек, промежуточные ценности. Мы меняемся — и не можем, не сможем измениться до конца. И все же каждый человек ищет сейчас в огромном пространстве России свое новое место.

Я еще не нашла фокус книги. Но мне очень нравится то, что сказал один молодой бизнесмен в Петрозаводске: «Светлана, да! Все происходит медленно, ужасно, варварски, цинично! Да, вы правы: социал-демократия шведского образца была бы лучше шоковой терапии. Да! Но и при этом: *пусть нас никто не троедет двадцать лет. И если здесь ничего не взорвется — здесь все изменится!*».

— Ваши книги выходили в дополненных изданиях в 2005 году. Тиражи раскуплены. Будут ли новые?

— Да. Они выйдут в издательстве «Время». В конце ноября, к ярмарке Non-fiction — «Цинковые мальчики». А к 9 мая — «У войны не женское лицо».

● Беседовала Елена ДЬЯКОВА, обозреватель «Новой»